

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 88-99
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.88

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Organization of Quarantines on the Border of the Russian Empire in the XVIII century as a Preventive Measure against Carrying “Pestilence”

Tatiana S. Sorokina ^{a, *}, Alexey V. Morozov ^a, Natalia V. Shishkina ^b

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Central Base Customs, Russian Federation

Abstract

This paper is devoted to analysis of the main stages, preceding creation of the quarantine services for guarding the frontier of the Russian State (from the Peter's reforms and the first quarantines up to the end of the XVIII century and confirmation of the 'Regulations of Frontier and Sea Quarantines'). The main sources and legislative documents regulating preventive measures against carrying the infectious diseases from neighboring countries and determining the organization of state policy in the field of quarantine services in the Russian Empire in connection with the expansion of trade and economic relations with foreign countries (organization of outposts, customs posts, quarantine houses with hospitals at border customs; quarantine rules and peculiarities, etc.) have been studied. Organization of quarantines within the country during epidemics (carried from neighboring countries), have been also analyzed, in particular a successful victory over the pestilence in Moscow in 1770–1772. The role of the State (Senate, Medical Office, Empress Catherine the Great, other State officials, etc.) in organization of quarantines and quarantine measures in frontier areas and within the country has been studied in historical sequence. The personnel policy on the formation of the staff of customs posts and quarantines, the involvement of customs officials, doctors and healers, their functions and responsibility were analyzed. The successes (in spite of lack of knowledge in etiology and epidemiology of dangerous infectious diseases) and problems in the organization of the quarantines on the land and naval frontiers of the Russian Empire and within the country at various stages of its formation have been studied.

Keywords: history of Medicine, Russian Empire, customs, quarantine measures, quarantines.

1. Введение

Развитие торговых отношений всегда имело огромное значение для становления Российского государства. Однако была здесь и оборотная сторона. Страшной бедой для государства явились эпидемии, или «моровые поветрия», появлявшиеся в пограничных городах, которые вели оживленную торговлю и через которые проходили иноземные караваны. Первые упоминания «о бесовых язвах» появляются в древнерусских летописях X–XI веков. Не стал исключением и век XVIII, когда границы Российской империи значительно расширились и интенсивно развивалась торговля, что увеличило опасность завоза заразных болезней. Именно в этот период начинает формироваться новый взгляд на пограничную политику государства, послуживший основой для организации упорядоченной системы карантинной охраны границ.

* Corresponding author

E-mail addresses: sorokina-ts@rudn.ru (T.S. Sorokina), a0067138@yandex.ru (A.V. Morozov), shishkinanv@ca.customs.gov.ru (N.V. Shishkina)

2. Материалы и методы

В процессе выполнения данного исследования были использованы архивные материалы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), материалы из фондов Центрального музея таможенной службы (Москва, Российская Федерация), сборники опубликованных документов (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России), размещенные в виде электронных материалов Российской национальной библиотеки.

Методология исследования выстраивалась на основе сочетания элементов сравнительно-исторического, системного и функционального анализов, исторического подхода и хронологического метода. Применение сравнительно-исторического анализа позволило оценить эффективность предпринимаемых государством мер по предотвращению завоза «заразительных» болезней, а также сравнить эффективность решения задач, ставившихся перед карантинными службами таможенных органов в разные периоды их деятельности.

3. Обсуждение

Историография данного вопроса весьма ограничена. В основном в научных работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб при таможенных заставах Российской империи в XVIII веке. В этой связи необходимо отметить такие публикации, как «Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств и их научные основы» (Галанин, 1892), «Холера. Эпидемиология и профилактика» (Эрисман, 1893), «Эпидемиологические аспекты международной миграции населения» (Черкасский и др., 1984), «Международный карантин» (Щепин, 1982), «Контрабанда: история и современность» (Кисловский, 1996). Из более поздних публикаций важно отметить работы В.Н. Шкунова «Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке» (Шкунов, 2018) и В.Г. Иванцова «Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861)» (Ivantsov et al., 2021). Однако лишь в трудах Н.И. Пристансковой «Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в.» (Пристанскова, 2007) и В.Н. Шкунова (Шкунов, 2018) мы находим попытку анализа российского законодательства рассматриваемого периода в части особенностей организации карантинной службы, что свидетельствует о недостаточности научных исследований, проведенных по данному вопросу. Деятельности карантинных служб в период эпидемии «моровой язвы» в Москве в 1770–1772 годах посвящены работы Т.С. Сорокиной (Сорокина, 1994; Сорокина, 1999), в которых на основании оригинальных документов того времени восстанавливается истинная картина событий и роль врачей, дворянства и императрицы Екатерины II в организации карантинных и профилактических мер по успешному пресечению этой эпидемии.

Профессиональный интерес авторов к этой теме обусловлен прежде всего их многолетней деятельностью на поприще преподавания истории всемирной и отечественной медицины российским и иностранным студентам Российского университета дружбы народов, включая исследования по истории эпидемий, пандемий и карантинных служб (Т.С. Сорокина, А.В. Морозов), а также результатом их работы по изучению истории и современной организации медицинского обеспечения в системе Федеральной таможенной службы Российской Федерации (А.В. Морозов, Н.В. Шишкина).

4. Результаты

Одним из важных моментов в изучении истории науки в целом и истории медицины в частности является поиск отличительных черт и особенностей поступательного развития исследуемого предмета в разные периоды истории.

В истории становления карантинных служб в Российском государстве на протяжении XVIII столетия можно выделить следующие этапы: с 1696 по 1725 годы (период становления карантинных мер в Русском царстве и в первые годы Российской империи); 1726–1755 годы (период появления первых застав вдоль засечных линий и основных торговых путей); 1755–1775 годы (период создания первых карантинных служб в Российской империи); 1775–1800 годы (период совершенствования карантинных домов и законодательная регламентация их деятельности) (Шкунов, 2018: 672–674). Каждый из этих периодов характеризуется своими особенностями реализации государственной карантинной политики в Российском государстве.

Период становления карантинных мер в Русском царстве и в первые годы Российской империи (1696–1725)

Первая половина XVIII века характеризуется формированием новых взглядов на пограничную политику государства. Петр I, проявлявший искренний интерес к естественным наукам, во время своего первого Великого посольства в страны Западной Европы (1697–1698) ознакомился и с достижениями в области медицины: в Лейденском университете слушал лекции Германа Бургааве, в Оксфорде беседовал с Исааком Ньютоном, а в Голландии – с Антони ван Левенгуком, уделяя при

этом немалое внимание организации санитарного дела и опыту предупреждения распространения так называемых «морových поветрий» (чумы). Суть Петровской идеи сводилась к тому, что крепости, укрепленные линии и другие защитные сооружения, которые в военное время призваны отражать нападение армий неприятеля, в мирное время должны служить преградой на пути нарушителей границ, контрабандистов, тайного провоза белых, лазутчиков, а также завозу заразных болезней. Заставы и «караулы крепкие» обустроивались при первой же вести о появлении «морового поветрия», образуя своеобразный санитарный кордон (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 729, 746, 856-857).

Так, в 1710 году, когда стало известно о появлении в приграничных западных территориях «моровой язвы», такие заставы были выставлены на всех дорогах, ведущих к Петербургу и Новгороду. Затем заставы появились на дорогах, ведущих к Риге, Твери и Москве, со строгим предписанием «беречься от торговых людей», которые тайно проезжают в свои дома. Службу по охране несли «добрые царедворцы и офицеры с солдатами». За недогляд и тайно проезжающим, и служащим следовало суровое наказание: «...ежели кто проезжие, чрез указ, будут проезжать какими-нибудь способами, а после пойманы будут: то бы они, не опасаясь, таких вешали. А ежели они смотреть будут худо и кого пропустят: и за то плачено им будет тою же виселицею» (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 526).

Одна из таких застав была устроена на мысе Таганый Рог. Даже после оставления Таганрога по Прутскому миру торговля там продолжалась. Несмотря на неудачные военные походы против Турции, потребность в торговых связях на берегах Азовского моря была достаточно велика, но велика была и опасность заноса эпидемий. Для охраны торговых людей от заезжих турок на этой заставе находилась специальная военная команда во главе с офицером, а при карантинном пункте – лекарь со служителями. Здесь же были устроены амбары для хранения товаров и дома для купцов.

Были и специальные указы по организации кадрового дела в карантинах, например, о назначении на заставы дворян, которые по старости или увечью служить в действующей армии не могут, но карантинную службу нести способны (ПСЗ РИ. СП. Т. IV. 1830: 649).

В первой половине XVIII века внешняя торговля России осуществлялась по следующим направлениям. На севере сухопутный торговый путь шел в Норвегию, Данию, Англию, Голландию и такие дальние страны, как Испания, Португалия и Италия. Торговые порты Балтийского, Азовского, Черного и Каспийского морей связывали Россию с Европой и странами Востока (Некрасов, 1984: 37-40). Однако открытие новых морских торговых путей увеличивало и опасность распространения заразных болезней. В связи с этим для предупреждения заноса «морового поветрия» из сопредельных стран контроль за морскими товаропотоками ужесточался.

В 1720 году в России при непосредственном участии Петра I был разработан «Морской устав», согласно которому предписывалось: военно-медицинской службе на флоте наряду с лечением экипажей морских судов и кораблей проводить и санитарно-гигиенические и предупредительные мероприятия. Принятие этого Устава имело важное значение уже в 1721 и 1722 годах, когда во Франции широко распространилась «моровая язва». Для предупреждения заноса этой инфекции было принято решение: все морские суда, приходящие из Франции в российские порты (Архангельск, Ревель и Ригу) принимать только при наличии специального сопроводительного паспорта от российского посланника в Париже и при условии обязательного прохождения карантина. Не выполнявшим эти требования в швартовке к российским берегам отказывалось (Шкунов, 2018: 672-673).

Период появления первых застав вдоль засечных линий и основных торговых путей (1726–1755)

В 1726 году Комиссия по коммерции и пошлинам разработала «Примерный проект по сочинению инструкции таможенным инспекторам, которые имеют быть на границах Всероссийской империи», многие идеи которого впоследствии использовались в Российском законодательстве (РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 543. Л. 1-21). В частности, в §35 определялась задача застав по соблюдению правил карантина в период начала эпидемии. Служители застав пограничных таможен должны были останавливать проезжающих на некотором удалении от заставы, затем они приглашали одного начального человека от торговцев и под страхом смертной казни выясняли, не было ли «морового поветрия» в тех местах, откуда они приехали и через которые проезжали. Если купцы словесно подтверждали, что никакого мора не было, то их пропускали без задержки. В противном случае вести о «моровом поветрии» незамедлительно доводились до губернатора или главного коменданта, а приезжих людей содержали на расстоянии от заставы и жилья, поставив «пристойные караулы» (Васильев, Сегал, 1960: 115).

Когда в 1728–1729 годах эпидемия чумы нанесла огромный ущерб южным регионам России, Верховный тайный совет значительно расширил санитарные и предупредительные меры в отношении приезжающих из Астрахани через Царицынскую карантинную заставу (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 17, 205-207). После осмотра лекарем приехавшие отправлялись на 40-дневный карантин. Товары разделялись на кипы, укладывались в ящики и хорошо проветривались. По окончании карантина лекарь вновь всех осматривал и вместе с комендантом ставил печать на полученных из Астрахани паспортах. Суда, доставлявшие рыбу и соль, подвергались такому же карантину и досматривались на предмет сокрытых товаров. Комендант и штаб-лекарь должны были вести журнал, в котором записывали дату прибытия, количество дней нахождения в карантине, дату,

когда был отпущен и куда выехал, а также фиксировать общее количество заболевших. Рапорты о карантине направлялись в Верховный тайный совет. Однако вскоре поступил запрет на пропуск товаров (шелк, хлопчатая бумага, шерсть и мех), привезенных из Астрахани к Царицынской заставе, и о выдерживании этих товаров в карантинных амбарах, так как они впитывают сырость и потому наиболее «приемлют заразу», способствуя распространению болезней.

В августе 1729 года из Верховного тайного совета пришло еще более суровое предписание – о полном запрете пропуска людей и товаров, прибывающих не только из Турции и Крыма, но и из некоторых областей Польши, которые находились вблизи опасных заразных мест. Всех приезжающих (с товарами, либо без них) на карантин не помещали, а сразу же отправляли обратно (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 231-232, 235). Меры безопасности не были ослаблены и после того, как эпидемия отступила.

Со временем карантинный режим стал неотъемлемой частью процесса регулирования внешнеторговых связей и со странами Востока (Торопицын, 2009: 95). Купцов, отправлявшихся в восточные страны, обязывали давать подписку о том, что они не будут посещать зараженные местности и покупать там товары. В свою очередь приезжающим из-за границы Сенатским указом от 28 октября 1730 года предписывалось предъявлять свидетельства о том, что они не были в тех местах, где свирепствует заразная болезнь. Более того, «крепкое смотрение» требовалось и за товарами, которые прибывали из мест неопасных, чтобы «под именем их» не провозили товары из мест опасных (ПСЗ РИ. СП. Т. VIII. 1830: 332).

К этому времени уже закончилось строительство Камер-Коллежского вала, надолго определившего границы Москвы. В отличие от других колец города, вал был построен не в оборонительных, а в таможенных целях. В местах пересечения вала с дорогами были учреждены 16 застав с караульными будками, где проверялись товары и документы на них. Непосредственной морской торговли Москва тогда еще не вела, но она являлась своеобразным «складочным местом» для российских и зарубежных товаров, которые в дальнейшем направлялись по многочисленным торговым путям, в том числе и к портам внешней торговли (Некрасов, 1984: 74). Поэтому надежная организация карантинных застав в Москве в значительной степени была залогом эпидемического благополучия других регионов государства.

Важно отметить, что проводимые противоэпидемические мероприятия в первую очередь касались именно организации застав, осмотра приезжающих и провозимых ими товаров. Однако ни в одной инструкции еще не было указано, кто же должен был проводить осмотр и освидетельствование на предмет болезни. Возможно, это объяснялось тем, что заградительных застав было много, а докторов, лекарей и лекарьских учеников в тот период было мало. Их едва хватало на то, чтобы организовывать медицинскую помощь в армии и на флоте. В «Морском пошлинном регламенте, или Уставе», принятом 31 марта 1731 года, не были еще прописаны и меры предосторожности при приеме кораблей в портах (Таможенное дело России, 1998: 42-43).

Здесь необходимо отметить, что в то время, когда формировался карантинный регламент, не было еще научных представлений о заразном начале и путях его распространения, о микроорганизмах и о специфической профилактике, отсутствовали и научные знания в области санитарии и гигиены. Эмпирические знания того времени не были достаточны для правильной организации санитарно-профилактических мер и карантинных застав. Поэтому, как писал позднее (в 1775 году) о чуме в Москве Афанасий Филимонович Шафонский, «при расположении средств к пресечению сея болезни оставалось установителям оных все предпринимать, нимало не медля, по собственному изысканию и чрез опыты до совершенства доходить» (Шафонский, 1775, II).

В 1738 году чума вновь появилась в армии, сражавшейся с турками. Она распространилась по всей южной границе Российской империи. В целях защиты внутренних территорий и пресечения эпидемии под управлением киевского губернатора генерал-лейтенанта князя Трубецкого была создана новая форма организации карантинных застав: вокруг Харькова был проложен Главный карантинный тракт (Васильев, Сегал, 1960: 112-113), который оцепили заставами. Просуществовал он недолго и с прекращением эпидемии и окончанием войны был закрыт. Однако благодаря этому карантину возникла идея об организации постоянного надзора на Юго-восточной границе страны для защиты от «поветренно-заразных болезней», а в 1740 году уже на польской границе был организован карантинный дом, который Киевская губернская канцелярия отдавала на откуп (Гамалея, Рудая, 2021: 17).

Следующие шаги были предприняты уже в 1742 году после того, как из Российской резиденции в Константинополе пришло сообщение о начавшейся там эпидемии. Для наблюдения и своевременного принятия мер в Васильковский карантин в Киеве был назначен специальный доктор Иоганн Фабри, в помощь которому выделялись два полковых лекаря из ландмилиционных полков. В инструкции от 20 декабря 1743 года Фабри назван «пограничным доктором», а лекари – «пограничными лекарями» (Макидонов, 2011: 20). Впоследствии этот карантин, устроенный на Васильковском форпосте, разросся в целую систему карантинных учреждений.

В 1744 году, когда пришло известие о распространении чумы в Персии, Медицинская канцелярия направила в Астрахань специальную инструкцию с особым предписанием о заготовке и

передаче в местный госпиталь необходимых лекарственных средств. Российский консул в Персии также получил предписание о представлении астраханскому губернатору рапортов о наличии «моровой язвы» как в самой Персии, так и в приграничных с ней государствах. Специальные меры были предприняты и в местных портах. Без консульских документов, подтверждающих здоровье экипажа, пассажиров и безопасности товара, никто не имел права сходить на российский берег.

Понятно, что санитарно-карантинные мероприятия на наших границах вызывали недовольство как зарубежных, так и российских купцов, которые постоянно жаловались на задержку и падение товарооборота. Страдали и доходы от транзитной торговли. По данным Российского консульства в Персии из-за введения карантинных мер в 1744 году таможенные сборы снизились на несколько тысяч рублей. Правительство со своей стороны пыталось проявлять гибкость. Иллюстрацией этому может служить грамота, данная Войску Донскому в августе 1744 года, которая предписывала поступать в отношении приезжающих из Константинополя турецких и иных иностранных купцов с товарами без «озлоблений и нападков и никакого принуждения, кроме самых явных подозрений», к ним не применять. После прохождения карантина и подтверждения, что никакой опасности товары не представляют, купцов свободно пропускали для торговли в Черкасск и оказывали им «всякую ласку и вспоможение». При этом строго указывалось, что хлопчатобумажные и шерстяные изделия, представляющие опасность в карантинном отношении, необходимо «довольно выветривать», даже если они не из «заповетренных мест». Товары из зараженных местностей через заставу не пропускались и отсылались прочь (Торопицын, 2009: 97-98). Иными словами, существовало четкое понимание того, что торговлю необходимо поощрять и поддерживать, но и карантинные меры ослаблять не следует.

В мае 1745 года Астраханская губернская канцелярия установила еще более строгий режим прохождения карантина для товаров и людей, прибывающих из Персии: даже товары из мест, где эпидемия не была обнаружена, стали пропускать в Россию только после четырехнедельного карантина; в отношении остальных товаров был установлен полный карантин.

В 1747 году из-за опасных болезней, постоянно свирепствовавших в турецких провинциях и в самом Константинополе, заставы были учреждены на Дону, Кубанской и Крымской стороне, а для караула и разъездов при них были определены нарочные команды из казаков и калмыков. Тогда же было принято решение об устройстве карантина и таможенной заставы в крепости Таганрог. По представлению Коллегии иностранных дел Сенатским указом предписывалось назначить на заставу «доброе и надежного человека» от Войска Донского для наблюдения, чтобы купцы, приезжающие из Турции, не занесли заразные болезни, а с самими же купцами поступали «безобидно» (ПСЗ РИ. СП. Т. XII. 1830: 803-804).

Итак, к середине XVIII века на территории Российской империи создается сеть карантинных застав, особенно в приграничных районах Юга страны; вырабатывается система карантинных мер и регламент осмотра прибывающих людей и товаров.

Период создания первых карантинных в Российской империи (1755–1775)

22 февраля 1755 года Правительствующий сенат издал указ «Об учреждении при пограничных таможенных карантинных домов и о предъявлении к ним докторов». Этот указ был инициирован по доношению Медицинской канцелярии «для предосторожности и отвращения (чего Боже сохрани) опасной болезни» (ПСЗ РИ. СП. Т. XIV. 1830: 317-319). Медицинская канцелярия определила штат карантинных и подготовила инструкцию о карантинном очищении людей и товаров, а также об устройстве карантинных домов.

Кроме карантинных внешних, были организованы и внутренние карантинные при таможенных на границах отдельных губерний и областей: Дерптский, Бахмутский, Царицынский, Луганский, Изюмский и Кизлярский. На внутренних карантинных пунктах лекарей не полагалось. Однако при Бахмутской и Царицынской таможенных были дополнительно организованы карантинные дома, обслуживаемые лекарями (ПСЗ РИ. СП. Т. XIV. 1830: 350-351).

Выше отмечалось, что с середины 1740-х годов карантинные находились под наблюдением Коммерц-Коллегии, а их содержание осуществлялось из сумм, собираемых от продажи вина. Сенатские указы от 24 февраля и 10 июня 1755 года изменили это положение и предписали выдавать жалованье карантинным докторам и лекарям из местных таможенных сборов непосредственно в таможене.

Со временем карантинные стали отдавать на откуп и их содержание стало зависеть от откупных денег. Так, в 1758 году внутренние таможенные и портовые сборы в Астрахани и внутреннюю таможню в Риге получил на 6 лет на откуп директор Темерниковской компании Никита Шемякин (ПСЗ РИ. СП. Т. XV. 1830: 203-212). Казенные таможенные служители были заменены на членов компании. Имеющиеся при таможенных карантинные остались под наблюдением губернатора со строгим предписанием следить за соблюдением карантинных правил и сообщать в таможню о неблагоприятных случаях. По карантинному контракту содержатель карантина должен был брать с каждого человека, находившегося в карантине, по копейке в сутки, а с каждой лошади и вола – по деньге. Примерно в этот же период в помощь карантинным лекарям были даны лекарские ученики, получавшие жалованье или из таможенных сборов, или с откупных взносов.

Начавшаяся в 1768 году Русско-турецкая война (1768–1774) практически парализовала торговлю в Азовском море. Более того, блистательные успехи Русской армии были омрачены начавшейся в 1770 году эпидемией «моровой язвы» (чумы). Завезенная из Турции, она стремительно распространялась по Европейскому континенту, охватила южные и центральные районы России и неуклонно приближалась к Москве (Сорокина, 1994: 279). К моменту начала этой эпидемии при пограничных таможнях уже существовали карантинные в Василькове, Переяславле, Боевске, на Шелеговском форпосте Смоленской губернии, в Лещевой Ниве, Бахмуте, на Никитской заставе, в Архангельском шанце, Кизляре и на учрежденной в 1770 году Днепровской линии, а также при Александровской и Петровской крепостях. Для предупреждения заноса чумы из Польши в каждой пограничной губернии были определены по две таможни, в которых строились карантинные дома для осмотра и пропуска проезжающих людей и дозволенных к ввозу товаров. При этом некоторые другие таможни закрывались. О количестве закрытых таможен и местах их расположения предписывалось сообщать Правительствующему сенату. Действующим таможням запрещалось пропускать такие товары, как лен, полотно, нитки, хлопчатобумажные ткани, шелка, шелковые изделия, мех, пенька, невыделанные кожи, шерсть и всякого рода шерстяные товары. В случае, если какой-либо торговец отважился бы провозить эти товары проселочными дорогами, минуя карантинные и таможни, такой товар подлежал конфискации и сожжению на месте задержания (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 203-204).

Особые меры предосторожности предпринимались на подступах к Москве и Санкт-Петербургу (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 244-245). Сенатским указом предписывалось товары из Турции и приграничных с Польшей губерний пропускать только через карантинные учреждения. Полученные в карантине свидетельства о безопасности запечатывались казенной печатью и предъявлялись на въездах в города. Товары без свидетельств конфисковывались и уничтожались. Строгие ограничения вводились и на доставку в Санкт-Петербург товаров из Архангельска, Сибири, Оренбургской, Казанской и Новгородской губерний – в первую очередь шуб и мягкой рухляди. На пути из Северной Карелии – в Сальминском погосте и в местечке Сердоболе – были организованы карантинные заставы с лекарем.

На подступах к Москве Указом императрицы Екатерины II (от 19 сентября 1770 года) стали учреждать заставы, окружавшие Москву со всех сторон (в гг. Серпухове, Коломне, Кашире, Боровске, Алексине, Калуге, Малом Ярославце, Можайске, Лихвине, Дорогобуже и Гжатской пристани), «чтоб сие зло не вкралось в середину Империи нашей», – писала Екатерина II генерал-губернатору Москвы графу П.С. Салтыкову (Зикеев, 1977: 143-144). В Москву разрешалось пропускать лишь те товары, которые были закуплены до объявления карантина по особым «билетам», выданным губернатором или воеводой. Купцы, везущие товары в город, подвергались 6-недельному карантину. Между заставами учреждались конные разъезды. Здесь важно отметить, что в то время еще не было возможностей для повсеместного и четкого исполнения карантинных мероприятий по пресечению эпидемий на всех дорогах и заставах. К тому же постоянные и частые сообщения между армией и столицей были неизбежны. Не помогали и ранние морозы, и в ноябре 1770 года «моровая язва» появилась в Москве.

Изучение оригинальных документов того периода позволило исправить многочисленные неточности и ошибки, утвердившиеся в историко-медицинских публикациях, восстановить реальную историческую картину этой печальной, но героической страницы нашей истории; воскресить забытую роль русского дворянства в организации борьбы с эпидемией, деятельность Сената, императрицы Екатерины II и графа Григория Григорьевича Орлова, отдать дань глубокого уважения докторам и лекарям – участникам этой великой эпопеи (среди них доктор Афанасий Шафонский, первым поставивший диагноз «моровая язва», доктора Георгий Скиадан, Иоган Фридрих Эразмус, Карл Мертенс, Петр Погорецкий, Петр Вениаминов, Семен Зыбелин, Кассиан Ягелский, лекарь Данила Самойлович) (Сорокина, 1994; 1999; 2013; 2014). Уникальным и достоверным источником информации о пресечении в Москве этой эпидемии является фундаментальный труд Афанасия Филимоновича Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» (Шафонский, 1775). Опубликованный в 1775 году по следам событий, он стал первым в мировой литературе обобщением уникального опыта успешного пресечения «моровой язвы». Особую ценность представляют включенные в него 212 государственных и врачебных документов той великой эпопеи. Этот ценный литературный памятник хранится в Музее книги Российской государственной библиотеки.

Первый случай «моровой язвы» в Москве был отмечен 17 ноября 1770 г., однако карантин на госпиталь был наложен только 22 декабря. Этому значительной степени способствовало представленное в тот день московскими докторами письменное «Мнение докторское о появившейся в Московском госпитале опасной болезни», в котором признавалось, что «оная болезнь должна почитаться за моровую язву, вследствие чего... должно пресечь сообщение города с госпиталью» (Шафонский, 1775: 181).

Все заставы города, кроме семи, были закрыты. Ежедневно велся учет заболеваемости и смертности. Заболевших направляли в больницы, а находившихся с ними в контакте – в карантинные

дома. Новые карантинные пункты были открыты в Симоновом, Покровском и Даниловом монастырях. 19 августа 1771 года все присутственные места в Москве были закрыты. Эти жесткие меры, включая направление в карантинные пункты, вызвали недовольство широких слоев горожан, и 15 сентября в Москве разразился «чумной бунт», в результате которого 16 сентября был зверски убит архиепископ Амвросий. Когда это донесение достигло Петербурга, Екатерина II направила в Москву генерал-адъютанта графа Г.Г. Орлова, наделив его неограниченными полномочиями и финансовыми средствами, с целью пресечь эпидемию и «привести все в надлежащий порядок» (Шафонский, 1775: 319-320, 180-187).

До приезда графа Орлова народ всячески избегал карантинных пунктов. Скрывали не только заболевших, но и умерших, которых нередко хоронили тайно в пределах своей усадьбы, а порой и выбрасывали на улицу. Для пресечения подобных действий в августе 1771 г. был обнародован указ Екатерины II «О неутайке больных и невыбрасывании из домов мертвых», согласно которому «...если кто в таком преступлении будет открыт и изобличен, ...таковой без всякого... милосердия отдается вечно в каторжную работу» (Шафонский, 1775: 304). Для привлечения в карантинные пункты граф Орлов применил весьма действенный способ материальной заинтересованности: каждому, выписывающемуся из карантинного пункта, выдавали новую одежду и большую по тем временам сумму – 5 рублей холостым и 10 рублей женатым (Шафонский, 1775: 110). Для сравнения отметим, что в те годы корова стоила 2–4 руб., лошадь – 7–10 руб., а пуд соли – 4 коп.) (Рознер, 1966: 84). «Таковое награждение, а к тому частые и скорые выпуски (из карантинных пунктов) столько действовали, что многие сами охотно приходили объявлять свою болезнь и просили, чтобы их отправить в карантин» (Шафонский, 1775: 110-111).

Захоронение умерших также было организовано за счет государственной казны с привлечением освобожденных из тюрем преступников, которые были осуждены на каторжные работы или смерть. Им выдавали специальные защитные военные одежды и рукавицы, которые надежно их защищали (никто из них не умер от чумы, и все получили свободу по окончании эпидемии) (Шафонский, 1775: 74).

Важно отметить, что во время этой эпидемии за счет государственной казны содержались все карантинные пункты и больницы Москвы (Шафонский, 1775: 622), все население города полностью обеспечивалось продовольствием (Шафонский, 1775: 121), а врачи, лекари и подлекари получали двойное жалованье и солидное вознаграждение (Шафонский, 1775: 622).

Всего «на прекращение моровой язвы в одной только Москве было употреблено коронной казны более 400 тысяч рублей» (Шафонский, 1775: II).

Моровая язва бушевала в Москве с ноября 1770 по ноябрь 1772 года, унеся жизни более 50 тысяч человек – до 800 (!) в день (Шафонский, 1775: 89-96). Ведущая роль в организации мероприятий по пресечению этой эпидемии принадлежала графу Г.Г. Орлову. Спустя полтора месяца после его приезда в Москву эпидемия начала постепенно стихать, и к началу 1772 года смертность вышла на доэпидемический уровень, а 15 ноября 1772 года императрица Екатерина II своим указом провозгласила Москву благополучным городом (Шафонский, 1775: 534-535).

Подводя итоги, можно с достаточным основанием утверждать, что в те месяцы в Москве (при полном отсутствии научных представлений о природе чумы) зародились и впервые были реализованы на практике новые методы государственной организации противоэпидемических мероприятий по успешному пресечению чумы. Среди них: ежедневный учет заболеваемости и смертности и государственное финансирование и контроль за деятельностью больниц и карантинных пунктов; снабжение города продовольствием «коронным иждивением» и государственное попечение за детьми, оставшимися без родителей, а также планомерная обработка города после эпидемии (Шафонский, 1775: 437-442; Сорокина, 1994: 282).

Для сравнения отметим, что жители Лондона для пресечения чумы 1665–1666 годов не нашли иного средства, как поджечь свой город, и чуму остановил огонь (The Great Plague and the Great Fire).

После того как эпидемия в Москве пошла на спад, специальные наставления о выдерживании на карантине прибывающих людей и торговцев с товарами продолжали действовать. По окончании эпидемии часть карантинных пунктов и застав была снята, часть перенесена ближе к Москве (ПСЗ РИ. СП. Т. XIX. 1830: 628-630). Между Москвой и Санкт-Петербургом было оставлено несколько застав, через которые двигался товаропоток. Беспрепятственно пропускали только те товары, которые были снабжены провозными билетами, остальные отправлялись на карантин.

Таким образом, создание карантинных пунктов при таможенных постах можно определить, как начальный этап в борьбе с «моровыми поветриями», который положил начало становлению системной государственной карантинной политики в Российской империи, препятствовавшей заносу заразных болезней из сопредельных стран с товарами и больными людьми.

Период совершенствования карантинных домов и законодательная регламентация их деятельности (1775–1800)

После заключения победного Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 году к России отошли земли в устье Дона, Днепра и Буга и области между Бугом и Днепром, а также крепости Керчь и Еникале в Крыму и Тамани. На Северном Кавказе в подданство России перешли Кабарда, Северная

Осетия (Ингушетия вошла в состав России еще в 1770 году). Российскому флагу предоставлялась свобода судоходства во всех «турецких морях» и проливах Босфор и Дарданеллы, а также определенные торговые льготы. Практически сразу же встал вопрос о таможенном и карантинном обустройстве новой границы. Первым шагом стал «Высочайше утвержденный» 4 августа 1775 года доклад графа Б.К. Миниха «О правилах привоза и отвоза товаров при портах Черного моря», в которых подтверждалось, что, несмотря на окончание эпидемии, все товары, поступающие из турецких провинций, в таможнях должны были свидетельствоваться только после прохождения карантина. На таможенных и карантинных начальников возлагалась обязанность следить за тем, чтобы никто раньше времени из карантина либо, минуя карантин, в таможню не поступал, для чего при карантинах находились таможенные служители. Правила предписывали вне расположения таможен строить удобные дома и сараи для содержания в безопасности товаров и приезжающих людей и определять к ним караул из военных (ПСЗ РИ. СП. Т. XX. 1830: 193-196).

В 1783 году «Манифест Великой Императрицы Екатерины II...» возвестил о «принятии под Российскую Державу полуострова Крымского, Тамани и всей Кубанской стороны» (Манифест..., 1783: 897). По особому соглашению, подписанному в декабре 1783 года, Кубань объявлялась границей русских владений на Северо-Западном Кавказе. Соглашение положило начало обустройству Кавказской кордонной линии, протянувшейся от Каспийского моря до Черного вдоль Терека и Кубани.

На северо-западном направлении для обеспечения безопасности Балтийского моря в 1786 году началось строительство карантина на острове Сескаре; а также было принято «Положение о карантинном доме», которое по замыслу устроителей должно было служить руководством для обустройства и других карантинных домов. Во главе карантина стоял карантинный пристав, определявшийся на должность Адмиралтейств-коллегией из служивших на флоте офицеров. В его подчинении находились карантинный надзиратель, назначаемый главным командиром над портом; таможенный служитель, определяемый советником таможенных дел; карантинный сержант из унтер-офицеров; лекарь и подлекарь. Для разъездов карантину выделялось однопалубное судно или большой вооруженный катер, ялбот и 10-весельный катер с командой. При карантине организовывалась больница. Строительство и содержание карантина оплачивалось из таможенных доходов. Военные, торговые и мореходные корабли, идущие из сомнительных или заразных мест в Санкт-Петербург или Кронштадт, обязаны были останавливаться у этого острова, недалеко от карантинного дома. В Положении о карантинном доме давались четкие инструкции, как поступать с военными и торговыми судами, пришедшими к брандвахте, минуя карантин, как проводить их опрос, что делать в случае обнаружения на судах заболевших «прилипчивыми» болезнями, каким образом проводить досмотр и какие документы должны быть оформлены. Также предусматривалось удаление зараженного судна от всех российских берегов и портов либо полное его уничтожение вместе с грузом – мера, оставшаяся в наследство от Морского регламента (ПСЗ РИ. СП. Т. XXII. 1830: 584-595).

В 1793–1795 годах чума вновь вспыхнула в Турции, Сирии, Венгрии, Валахии, Трансильвании, Боснии и Герцеговине и охватила Галицию. Для предосторожности от занесения этой заразы в Империю из сопредельных государств Именным указом от 7 июня 1793 года (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 436-438) было положено начало обустройству карантинных домов в Екатеринославской и Таврической губерниях.

Со временем штат карантинных домов расширялся. Так, в штат Гаджибейского портового карантина, учрежденного в следующем году, входили карантинный пристав, карантинный начальник, писарь, переводчик, лекарь, подлекарь, таможенный служитель, гарнизонные солдаты для караула при амбарах и чумных кварталах и гребцы для 10-весельных шлюпок. При этом оговаривалось, что переводчик должен был владеть русским, французским, итальянским, греческим, армянским и турецким (или молдавским) языками; если же такового найти не удавалось, то жалованье должно было делиться на двух и более переводчиков. Таможенный служитель, находившийся при карантине, помимо жалованья от таможни, получал дополнительную прибавку к окладу. Для разъездов по берегам Тавриды Севастопольский флот выделял четыре легковооруженных судна, составив, таким образом, карантинную и таможенную цепь (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 539).

Новая линия границы, появившаяся в результате второго раздела Польши в 1793 году, также нуждалась в организации приграничных таможен и карантинных домов. Именным сенатским указом от 8 августа 1795 года все пограничные таможни, цепь и стража переносились на новую линию границы. На тех же основаниях проводилось учреждение таможен и таможенной стражи по границе Литовской губернии до Балтийского моря (ПСЗ РИ. СП. Т. XXIII. 1830: 757-758).

В декабре 1798 года Коммерц-Коллегия подготовила Инструкцию пограничным таможням и заставам, учрежденным в Новгородской, Выборгской, Литовской, Волынской, Подольской и Новороссийской губерниях (Инструкция..., СПб. 1798), в которой подробно прописывался порядок приема, укладки, пропуска и досмотра товаров, правила взимания пошлин и ведения делопроизводства, общие для всех таможенных учреждений. Особо оговаривался порядок приема товаров для учреждений, в которых были устроены карантинные дома. В этих случаях таможни и заставы обязаны были контролировать время поступления и выпуска товаров и вещей из карантинных домов, а также

тщательно наблюдать, чтобы все выпущенное поступало прямо в таможенную для досмотра и взимания пошлин. Таможенными инспекторами было сделано специальное предписание о направлении на службу в карантин «исправных людей» из таможенных служителей и о круге обязанностей каждого служащего. Например, эскеры при общем досмотре товаров должны были свидетельствовать качество поставляемого вина и не пропускать некачественное или запрещенное.

Таможни и карантинные заставы регулировали и ввоз аптекарских товаров. С петровских времен в России развитию аптекарского дела уделялось особое внимание. Снабжение аптек лекарственными средствами осуществлялось различными путями: целебные травы и ягоды приобретали в торговых рядах и лавках, выращивали в «государевых аптекарских огородах», свозили со всех концов страны по государевой «ягодной повинности», доставляли в Россию из «иных земель» – из стран Западной Европы (Англия, Голландия, Германия), Аравии и др. Иноземные лекарственные средства поставлялись на аптечные склады в пограничных городах: Архангельске, Могилеве, Полоцке и др. Оттуда они поступали в разные города Российской империи, а также в части Российской армии и на флот (Сало, 2007: 12-14, 43-47).

Таким образом, упорядочение системы карантинной охраны границы в XVIII веке явилось в дальнейшем прообразом создания карантинной службы при таможнях и в очагах эпидемий, что препятствовало заносу «морového поветрия» из сопредельных земель и способствовало эффективному пресечению эпидемий внутри страны.

5. Заключение

Создание карантинных при таможенных заставах в Российской империи продолжалось на протяжении всего XVIII века. Отсутствие научно обоснованных представлений об эпидемическом процессе, сложная система регулирования работы карантинных и карантинных домов, сроков и условий карантинной очистки товара и научно обоснованных методов проведения дезинфекций существенно снижали действенность и эффективность противоэпидемических мероприятий, что требовало реализации новых подходов к организации карантинных мероприятий на законодательном уровне.

Человечество на протяжении всей своей истории постоянно подвергалось тяжелейшим испытаниям эпидемиями и пандемиями особо опасных болезней и всякий раз превозмогало их не только силой человеческого духа, но прежде всего самоотверженным трудом, талантом и усилиями выдающихся врачей, ученых и организаторов медицинского дела, направлявших свои силы, знания и опыт на борьбу с неведомыми им заразными болезнями. Одной из выдающихся страниц этой великой эпохи является формирование и становление карантинной службы в Российской империи в XVIII веке, когда, не имея опыта предшественников, приходилось «все предпринимать, нимало не медля, по собственному изысканию и чрез опыты до совершенства доходить» (Шафонский, 1775, II).

Литература

- Васильев, Сегал, 1960 – Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 397 с.
- Галанин, 1892 – Галанин М.И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств и их научные основы. СПб., 1892. 320 с.
- Гамалея, Рудая, 2021 – Гамалея В.Н., Рудая С.П. Чума в Киеве (1770–1772) // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 3. С. 16-21.
- Зикеев, 1977 – Зикеев П.Д. Редкая книга (к 200-летию со дня выхода в свет книги А.Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве») // Клиническая медицина. 1977. № 1. С. 143-144.
- Инструкция..., 1798 – Инструкция из Государственной Коммерц-коллегии учрежденным в Новгородской, Выборгской, Литовской, Волынской, Подольской и Новороссийской губерниях пограничным таможням и заставам. СПб., 1798. 8 с.
- Кисловский, 1996 – Кисловский Ю.Г. Контрабанда: история и современность / Под ред. А.С. Круглова. М.: ИПО «Автор», 1996. С. 36-37.
- Макидонов, 2011 – Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века // Запорожье: «Просвіта», 2011. 333 с.
- Манифест..., 1783 – Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России. 1783, 8 апреля / Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15708. С. 897.
- Некрасов, 1984 – Некрасов Г.А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1984. 272 с.
- Пристанскова, 2007 – Пристанскова Н.И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 9(29). С. 95-99.
- ПСЗ РИ. СПб, 1830 – IV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV. СПб., 1830.

- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VIII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VIII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XIV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XIV. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XV. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XIX – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XIX. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XX – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XX. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ., СП, 1830 – XXII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. СПб., 1830.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – XXIII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXIII. СПб., 1830.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Рознер, 1966 – Рознер И.Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. С. 84.
- Сало, 2007 – Сало В.М. История фармации в России. М.: Литература, 2007. 256 с.
- Сорокина, 1994 – Сорокина Т.С. История медицины: Учебник для студентов медицинских вузов. 2-е изд., переработ. и дополн. М.: ПАИМС, `1994. 384 с.
- Сорокина, 1999 – Сорокина Т.С. Государственные меры пресечения в Москве моровой язвы 1771 г. // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 1999. № 6. С. 55-58.
- Сорокина, 2014 – Сорокина Т.С. Кто победил чуму в Москве (1770–1772) // *Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы*. М.: Изд-во «Династия», 2014. С. 128-142.
- Таможенное дело России, 1998 – Таможенное дело России. Сб. документов и материалов. Т. 2 (1722–1864). М.: АВТОР, ЮПАПАС, 1998. 502 с.
- Торопицын, 2009 – Торопицын И.В. Влияние карантинных мероприятий на состояние русской восточной торговли и торгового судоходства в Каспийском бассейне во второй четверти XVIII века // *Вестник СамГУ*. 2009. № 3. С. 95-100.
- Черкасский, 1984 – Черкасский Б.Л., Сергиев В.П., Ладный И.Д. Эпидемиологические аспекты международной миграции населения. М.: «Медицина», 1984. 207 с.
- Шафонский, 1775 – Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М.: Императорский Университет, 1775. 652 с.
- Шкунов, 2018 – Шкунов В.Н. Реализация государственной карантинной и санитарной политики в Российской империи в XVIII веке // *Гигиена и санитария*. 2018. № 97(7). С. 671-674.
- Щепин, 1982 – Щепин О.П., Ермаков В.В. Международный карантин. М.: Медицина, 1982. 319 с.
- Эрисман, 1893 – Эрисман Ф.Ф. Холера. Эпидемиология и профилактика. М., 1893. 201 с.
- Ivantsov et al., 2021 – Ivantsov V.G., Molchanova V.S., Potapova I.I., Makarov Yu.N. Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1132-1140.
- Sorokina, 2013 – Sorokina, T.S. A Victory over the Plague in Moscow 1770–1772 // *Vesalius: Acta Internationalia Historiae Medicinae*. June, 2013. XIX(1): 11-18.

References

- Cherkassky, 1984 – Cherkassky, B.L., Sergiev, V.P., Ladny, I.D. (1984). Epidemiologicheskie aspekty mezhdunarodnoi migratsii naseleniya [Epidemiological aspects of international migration of population]. Moscow. 207 p. [in Russian]
- Erisman, 1893 – Erisman, F.F. (1893). Cholera. Epidemiologia i profilaktika [Cholera. Epidemiology and prophylaxis]. Moscow. 201 p. [in Russian]
- Galanin, 1892 – Galanin, M.I. (1892). Meropriyatiya protiv holery russkogo i inostrannykh pravitel'stv i ih nauchnye osnovy [Measures against cholera by the Russian and foreign governments and their scientific bases]. SPb. 320 p. [in Russian]
- Gamaleya, Rudaya, 2021 – Gamaleya, V.N., Rudaya, S.P. (2021). Chuma v Kieve (1770–1772) [Plague in Kiev (1770–1772)]. *Byulleten' nazional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. 3: 16-21. [in Russian]
- Instruction..., 1798 – Instruktsiya iz Gosudarstvennoi Komerts-kollegii uchrezhdyonnym v Novgorodskoi, Vyborgskoi, Litovskoi, Volynskoi, Podol'skoi i Novorossijskoi guberniyah pogranichnym tamozhnyam i zastavam [Instruction from the State Commerce-board for the new frontier customers and posts founded in the Novgorod, Vyborg, Litovsk, Volynsk, Podol'sk and Novorossiya provinces]. SPb., 1798. 8 p. [in Russian]

- Ivantsov et al., 2021 – *Ivantsov, V.G., Molchanova, V.S., Potapova, I.I., Makarov, Yu.N.* (2021). Russian Customs System and Its Functioning in Western Transcaucasia (early 19th century – 1861). *Bylye Gody*. 16(3): 1132-1140.
- Kislovsky, 1996 – *Kislovsky, Yu.G.* (1996). Kontrabanda: istoriya i sovremennost' [Contraband: History and contemporaneity]. Moscow. Pp. 36-37. [in Russian]
- Makidonov, 2011 – *Makidonov, A.V.* (2011). Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka [Personal staff of the administration bodies in Novorossia of XVIII century]. *Zaporozhye: "Prosvita"*. 333 p. [in Russian]
- Manifest..., 1783 – Manifest Velikoi Imperatritsy Yekateriny II o prisoedinenii Krymskogo poluostrova, ostrova Tamani s vseya Kubanskoj storony k Rossii [Manifest of Empress Catherine II the Great on annexation of the Crimean peninsula, island Taman' together with whole Cuban' region to Russia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. Sobr. 1. T. XXI. SPb., 1830. №15708. P. 897. [in Russian]
- Nekrasov, 1984 – *Nekrasov, G.A.* (1984). Vneshnyaya trgovlya Rossii cherez Revel'skij port v 1721–1756 gg. [Russian foreign trade via the Revel' port in 1721–1756]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Pristanskova, 2007 – *Pristanskova, N.I.* (2007). Sistematizatsiya vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva v pervoi polovine XIX veka [Systematization of the medical-sanitary legislation in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Aspirantskie tetradj*. 9(29): 95-99. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – IV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – VIII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VIII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XIV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XIX – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIX. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XV – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XV. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XXII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XXIII – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XXIII. SPb., 1830. [in Russian]
- PSZ RI. SP, 1830 – XX – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XX. SPb., 1830. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj ashiv drevnih aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). [in Russian]
- Rozner, 1966 – *Rozner, I.G.* (1966). Yaik pered burej [Yaik in front of storm]. Moscow. P. 84. [in Russian]
- Salo, 2007 – *Salo, V.M.* (2007). Istoriya farmatsii v Rossii [History of Pharmacy in Russia]. Moscow. 256 p. [in Russian]
- Shaphonsky, 1775 – *Shaphonsky, A.F.* (1775). Opisanie morovoi yazvy, byvshei v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god [A description of pestilence, occurred in the capital town of Moscow since 1770 till 1772]. Moscow. 652 p. [in Russian]
- Shchepin, 1982 – *Shchepin, O.P., Yermakov, V.V.* (1982). Mezhdunarodnyj karantin [International quarantine]. Moscow. 319 p. [in Russian]
- Shkunov, 2018 – *Shkunov, V.N.* (2018). Realizatsiya gosudarstvennoj karantinnoj i sanitarnoj politiki v Rossijskoj Imperii v XVIII veke [Realization of the state quarantine and sanitary policy in the Russian Empire at the XVIII century]. *Hygiene and sanitation*. 97(7): 671-674. [in Russian]
- Sorokina, 1994 – *Sorokina, T.S.* (1994). Istoriya meditsiny [History of Medicine]. 2nd ed. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Sorokina, 1999 – *Sorokina, T.S.* (1999). Gosudarstvennye mery presecheniya v Moskve morovoy yazvy [State measures for suppression of pestilence in Moscow 1771]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii meditsiny*. 6: 55-58. [in Russian]
- Sorokina, 2013 – *Sorokina, T.S.* (2013). A Victory over the Plague in Moscow 1770–1772. *Vesalius: Acta Internationalia Historiae Medicinae*. June. XIX(1): 11-18.
- Sorokina, 2014 – *Sorokina, T.S.* (2014). Kto pobedil chumu v Moskve (1770–1772) [Who won a victory over the Plague in Moscow (1770–1772)]. *Al'manah istorii meditsiny: neizvestnye i spornye stranitsy*. Moscow. Pp. 128-142. [in Russian]
- Tamozhennoe delo Rossii, 1998 – *Tamozhennoe delo Rossii*. Sbornik dokumentov i materialov [Russian customs services. Collected documents and materials]. T. 2. (1722–1864). Moscow. 1998. 502 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2009 – *Toropitsyn, I.V.* (2009). Vliyanie karantinnykh meropriyatij na sostoyanie russkoi vostochnoi torgovli i torgovogo sudohodstva v Kaspijskom bassejne vo vtoroi chetverti XVIII veka [Influence of the quarantine measures on the Russian East trade and trade navigation at the Caspian Sea basin in the second quarter of the XVIII century]. *Vestnik SamGU*. 3: 95-100. [in Russian]

Vasil'ev, Segal, 1960 – *Vasil'ev, K.G., Segal, A.E.* (1960). Istoriya epidemij v Rossii [History of epidemics in Russia]. Moscow. 397 p. [in Russian]

Zikeyev, 1977 – *Zikeyev, P.D.* (1977). Redkaya kniga (k 200-letiyu so dnya vyhoda v svet knigi A.F. Shafonskogo “Opisanie morovoi yazvy, byvshej v stolichnom gorode Moskve”) [A rare book (by the bicentenary of publishing the book by A.F. Shaphonsky “Description of pestilence occurred in the capital town of Moscow”]. *Clinical Medicine*. 1: 143-144. [in Russian]

Организация карантинных мер на границах Российской империи в XVIII веке как предупредительная мера от завоза «морозных поветрий»

Татьяна Сергеевна Сорокина ^{a, *}, Алексей Вячеславович Морозов ^a,

Наталья Владимировна Шишкина ^b

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

^b Центральная базовая таможня, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы, предшествовавшие созданию карантинной службы по охране границ в Российском государстве (от Петровских реформ и первых карантинных мер до конца XVIII столетия и утверждения Устава пограничных и портовых карантинных мер). Изучены основные источники и законодательные документы, регламентировавшие предупредительные меры по предотвращению заноса заразных болезней из сопредельных стран и определявшие формирование государственной политики в области карантинного дела в Российской империи в связи с расширением торгово-экономических связей с зарубежными странами (организация заградительных застав, таможенных пунктов, карантинных домов с госпиталями при приграничных таможнях; условия и особенности прохождения карантина и др.). Уделено внимание организации внутренних карантинных мер во время эпидемий, занесенных в Российскую империю из сопредельных стран, и, в частности, во время успешного пресечения эпидемии «морозной язвы» в Москве в 1770–1772 годах. В исторической последовательности изучена роль государства (Правительствующего сената, Медицинской канцелярии, императрицы Екатерины II и отдельных государственных деятелей) в организации карантинных мер и карантинных мероприятий в пограничных районах и внутри страны. Проанализированы вопросы кадровой политики по формированию штата таможенных пунктов и карантинных мер и привлечению таможенных чиновников, докторов и врачей, их функции и обязанности. Отмечены успехи и проблемы в организации карантинного дела на сухопутных и морских границах Российской империи и внутри страны на разных этапах его становления при полном отсутствии в то время научных знаний по этиологии и эпидемиологии особо опасных инфекций.

Ключевые слова: история медицины, Российская империя, таможня, карантинные меры, карантин.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sorokina-ts@rudn.ru (Т.С. Сорокина), aoo67138@yandex.ru (А.В. Морозов), shishkinanv@ca.customs.gov.ru (Н.В. Шишкина)